Ж. Пастернак

Памяти Педро

ymca-press

ЖОЗЕФИНА ПАСТЕРНАК

ПАМЯТИ ПЕДРО

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève.
PARIS Ve

Тебе, Педро, посвящаю свою вторую книгу стихов. Тебе, потому что никто никогда не посвящал тебе ничего. Тебе, прекрасное безгласное существо, любившее лучше, чем можем мы — люди. Тебе, погибшему от тоски, когда твой хозяин уехал надолго, не мог взять тебя с собой, и отдал другому. Тебе, умершему от разрыва сердца, когда ты понял, что вы разъединены навсегда. Тебе, в душе которого, казалось, сливались страдания всех мучимых.

РОЖДЕСТВО 1971 ГОДА

В глубине, то есть в сердце, была
безнадежность.
Черен день Рождества.
О Педро, любимейший. Нежный
Внедрявшийся в душу, прилежный
Собачий язык ушей и хвоста.

Когда мы одни оставались с тобой, —
Прости меня, Господи, грех мой,
Я говорила, а ты был — немой...

Прости за страданье
Собачье. Моя жизнь покаянье
(Господи помоги. В его глазах
отражался мир)
За мученическое молчанье.

... Мы все умрем
Затем, что все греховны.

Но это существо,
Любимое, любившее всех в мире,
Невинное и чистое как утро,
Умнейшее как мысль без задних мыслей,
За что страдало здесь...
О Господи, помилуй и прости.
Прости нас, Педро.

УБИЙСТВО ДОЛФУСА

В день в Зефельд приезда — о жесть
под окном
Ударился на смерть птенец.
И жалостью сжалась душа. Этот дом
Встречает предвестьем: конец.

В болячках страна. Гнойниковый
покров
Заразой к уму от ума.
Австрийская мысль? — не наследье
веков
Зловонья дыханье, и — тьма.

И дышит (запомнится *этой* и *той* —
О, *эту* любовь удержи) —
Местечек и гор и лесов чистотой —
Страна *ароматов* и *лжи.*

Лето 1934

ОЗОН

Не горы, не море тот запах, но воздух
Собою — *простым* — недовольный, —
Решился, и вот: кислород пересоздан
Частицей пахучей, трехдольной.

Озон упоителен. Им запивая
Влиянье горячее спектра,
В святом изумленьи назвали — я знаю —
Его небожители: нектар.

Лето 1934

Как не боится белый дом
Среди разгонов этой дали
Столкнуться со скалой, на нем
Долины солнечной скрижали.

Прозрачен воздух — спора нет,
Он примирил углы с углами.
Но невесомые, как свет,
Возьмутся вдруг предметы сами

Решать, кто — где. Сентябрь им дал
Такую ясность очертаний,
Что ни гора, ни сеновал
Друг другу не уступят грани.

Дыханье роз меня живит,
От лба безумие отводит:
Сегодня чародейство — вид
Эфирной ставшею природы.

Лето 1934

Гвоздика дикая,
Шмель паразит,
Он горе мыкает,
А полдень спит.

Поставил стражею
Недвижной — зной,
Слепящей, вражьею
Над полосой.

Кусает, колется
Трава, мох. Хор
Пчелиной вольницы:
В меду бугор.

Для колокольчика,
Ах, — одного
Из леса кончиком —
Зефир — крыло.

Июль 1934

Я песен слагать не умею,
Но знаю, как песнями жить.
О милый, подумать не смею,
Что смог ты меня полюбить.
Какое подземное счастье,
Неслышное счастье во мне...
И все еще в мире ненастье?
Я все еще в чуждой стране?..
До сердца дотронуться страшно,
И чуда коснуться умом —
Я связана сказкой вчерашней
Как узким венчальным кольцом.

Август 1934

Милый! Ты ли, я ли —
А конец один...
Ты магнитной дали
Ленный паладин.
Вспомни черный вечер,
Деревянный мост,
Сладость первой встречи
И последний тост.
В рюмке можжевельник
Терпкий, как печаль,
Разговор бесцельный,
Улочек спираль.
И средневековье
Узких галерей...
Ты моею бровью
Шел к душе своей.
Билось сердце дважды —
Синхронизм святой —
Наших вздохов каждый —
Нежности настой.
Вспомни: дождь и лодки
Темный силуэт,
Ворковали кротко
Волны ей в ответ.
Вспомни... Мы расстались
Просто — и без слов.
Ты — магнитной дали,
Я ответных снов...

Август 1934

Ты ждешь? Я жду... Что ж, подождем!
Посмотрим, кто высокомерней.
О, не напрасным был, поверь мне,
Уроком ставший день вдвоем.

День? Год? зачем считать страницы.
Они сольются и уйдут.
Воздастся где-нибудь сторицей
Нетленность жуткая минут.

Август 1934

ПЬЕСА В ЦИРКЕ

Вон середка — доски, свет
Цирковой эстрады,
И от центра до планет
Скамьи, ряд за рядом.

Посмотри! Народ все прет,
Уровень все выше:
Мимо чар и позолот
Пенится до крыши.

Пьеса в цирке: ах да ох,
Голоса — что мочи,
Бедный скромный цирк оглох,
А театр — грохочет.

Ах, мой друг, и ты за них?..
Не со мной, с программой,
Не ласкаешься, затих —
И следишь за драмой.

В ночь, из стен! на воле мы,
Ты со мною, верный:
Не бутылкой сулемы,
Не горючей серной —
Кувшином осенней тьмы
Оболью соперниц.

Сентябрь 1934

ТРИОЛИ

Ты устал, и пьешь вино,
В миске — равиоли.
Я борюсь давно, давно
С скучной силой воли.
Вдруг становится смешно,
Все смешно до боли.

Я встаю, встаешь и ты.
Мнешься, бедный, бедный...
Нет, не перейти черты:
Оступаться — вредно.
Мыслишь: не отдам *мечты* —
Пусть умрет победной.

Я же — холить мне ль искус?
Я открою сердце.
Мотовски платить возьмусь
Ранами за скерцо.
Буду помнить сладкий вкус
Равиолей с перцем.

Сентябрь 1934

Два берега, два спутника, два чувства.
Меж берегов — лишь узкая река.
Между людей — границ закон искусствен.
Но полюсы судьбы два чувства: нет и да.

На левом берегу — а сердце бьется слева —
Псалмов звучней молчанья нищета.
На правом пусть сладчайшие напевы:
От сердца вправо — пустота.

На левом берегу мой спутник злой и тихий,
На правом — любящий. И все-таки из них я
За тем пойду, который — так, без слов —
В бесцельной нежности к моей руке приникнув,
Забудет предложить любовь, покой и кров.
Мой выбор ни при чем: коварство полюсов.

Октябрь 1934

Деревья мчатся нам навстречу,
И ветер ласковый в лицо.
О вздохов связь, бессвязность речи
И обручальное кольцо.

Каймой зеленою играя,
Гонясь за маками в овсе,
И облака к себе сзывая,
Назад к горам летит шоссе.

Разрыв! уже застав приветы,
И флаги городских забот,
И скорой помощи карета
Направо, у вторых ворот.

И одиночество в носилках,
И бледной женщины лицо.
Какая жалкая подстилка —
И обручальное кольцо.

Октябрь 1934

Стать надменной дай мне, Боже,
И не видеть никого.
Черносердой, белокожей.
И среди других — его.

Пусть его трудятся очи,
Пусть в моих — такой покой,
Чтоб прочел в них: неурочен,
Милый, ваш вопрос немой.

Знаю — зря мое моленье.
О несбыточном мечтать:
Милому — обретшим зренье,
Мне — невидящею стать.

Октябрь 1934

Жалоба моя тебе:
Ты меня зовешь — без слов,
Возмущаешь ровный бег,
Календарных — бег — листков.
О любви не говоришь,
Насыщаешь ею сны,
Отравляешь бденья тишь
От весны, и до весны.
Жалобу несла, и что ж?..
Вместо горького упрека,
Вместо просьбы: не тревожь, —
Слышу — сердце просит: множь
Отрицаньем силу тока.
И неузнаванья ложь...

Ноябрь 1934

Моя муза — муза бедная.
С узелком. Наперечет
В нем добро. И губы бледные.
Весь свой скарб с собой несет.

К ярким славой не решается
В дверь тихонько постучать.
Оттого со мной и мается
И мешает ночью спать.

Ноябрь 1934

Обида! Предел удивленья...
Тоской удобряя сердца,
Начальная пища всхожденья:
Ты воля немая Творца.

Обида! Смертельная рана,
Залог воскрешенья надежд.
Не с неба волшебная манна:
Из глуби опущенных вежд.

Февраль 1935

Спускаюсь по обрыву,
И снова снежный путь,
Когда же Бог правдивый
Ты дашь мне отдохнуть?

Вот здесь я проходила:
И складывать следы
Душа меня учила —
Как школьника — склады.

Затем, что новым словом
Был этот снежный путь.
Когда, Отец суровый,
Ты дашь мне отдохнуть.

Март 1935

В ВЕСТИБЮЛЕ ОТЕЛЯ В МЕРАНЕ

Гортензии цветут, цветут, цветут...
Колонн ряды стоят, стоят, стоят...
Напитки всё несут, несут, несут, —
И кельнеров скользит устало-жадный
взгляд.

И женщины таят, таят, таят...
И их мужья всё тут, всё тут, всё тут...
И лампочки горят, горят, горят, —
И скуку взорами как благовонья трут.

Тускнеют не по дням, а по часам.
Но всё свежей, насмешливей цветы,
Смелее всё осевших дам мечты,
Всё недовольнее накрашенные рты, —
И консервирует однообразный хлам
Изящный кельнер, обер-кельнер сам.

Апрель 1935

ДОЛЬДЕРБЕРГ

Я помню каждый шаг, я помню каждый камень
На этой улице, от дома — косо — вниз.
На улице, сводимой под руки садами.
Я помню каждый шаг, и угол, и карниз.

Так круто под гору сбегал булыжник ровный,
И тротуар каймою следовал за ним,
И ранил по пути ступни какой-то кровной
Обидой день тех мест, бездушный нелюдим.

Но не одни ступни! Все существо в тревоге.
Едва дышалось мне. В несдержанной тоске,
За пеленою слез — я знала: на пороге
Не будет братских рук протянутой руке.

Не знаю почему — в моем воспоминаньи
Мне чистый город этот — символ пустоты,
Необъяснимого, без встречи, расставанья —
Быть может потому, что отвернулся ты...

Май 1935

ЖАННА д'АРК

Марине Цветаевой

Догадались, что в устрицах жизнь. В безжизненных
этих ракушках.
Тело глотают сполна. Трепет глотают живьем.
Трепет в доспехах, Жанна! ты — от подошв до
макушки
В воле, в безжизненной воле, ничьим не пронзимой
копьем.

Вдруг догадались, что в ней, в воле — живое тело.
Тело и дух уязвимый со всех сторон.
Обезумели: сожрать нежность запретную *Дела*:
Лат раздался отпавших пустой и торжественный
звон.

И смаковали ''колдунью'', похоти жар утоляя, —
Даже король благородный — грустный — не смог
устоять.
Только ея уязвленья* виновник невольный —
народа
Алчных гурманов, французов — не мог, пораженный
понять.

Возвратился на родину, и с непреодолимой
болью
Вспоминал, сжимая безучастный нательный
крест,
Как пятернями вынув дух из раковин воли,
Живьем проглотили святость — и стыд свой жгли
на костре.

1930-е годы

---

* Неуязвимость Жанны д'Арк — ее воля. Уязвимость — любовь. Она полюбила (не открываясь ему) человека во вражеском (английском) войске.

Жаркий сахар земляники
И крапивы жгучий куст —
Лес соблазнов!.. Я отвыкну.
Я без счастья обойдусь.

Я уйду в такие рощи,
Где без запахов земля.
Милый, милый, нужно ль проще:
Разлюбила я тебя.

Если спросишь ты: чего же
Хорониться? ах, пока
Всё ты счастья мне дороже
И сильней меня тоска.

Лето 1935

Осень спряталась. Чудно ей
Из-за далий наблюдать,
Как июльского покроя
Кротость сад стал примерять.

Как листва гостеприимно
Звать на праздник шлет гонцов.
Как из дымки паутинной
Солнце летний ткёт покров.

Небеса нежнее пленки.
Золотой, забывшись, клен
Четко лист роняет тонкий,
Теплотой заворожен.

Жизнерадостностью горькой
Алый флокс поит возврат, —
Из-за далий скрытно, зорко
Осень изучает сад.

Сентябрь 1935

ИЗ РОМАНА СЕНКЕВИЧА

Не открывающийся в стоне,
Наград не ждущий в небесах,
Грез сумерек — герой, Петроний,
Ты — в праздных девочки мечтах.

Не мученик горячей мысли,
Не рыцарь светозарных чувств,
Но улыбающийся: высь ли
Иль бездна: согласимость уст.

Такой живой и неподкупный,
Как ласка княжеских очей.
Властнее цезаря. Преступно
Терпимый, вежливый, ничей.

Стальное мотто: "волей воли" —
Непревзойденный Рима сдвиг,
Родоначальник новой роли, —
Мужского равнодушья лик.

Мужской бесстрастности. И силы
Без ассирийской бороды:
Петроний, подаривший жилы
Душистой немощи воды.

Сентябрь 1935

НИНОН ДЕ ЛАНКЛО

Во времена забывчивой Нинон
Забывчивыми были даже кардиналы.
И испарялась жизнь летучая вином.
Вода — ненужная — холодная — дремала.

Был классом мир проказниц и повес.
Начальной жизнь до дней последних
школой.
Каков теперь ее удельный вес?
Он тяжелей воды в наш темный век
тяжелый.

О, сдвинуть жизнь, любовь, тебя, мой
друг, —
Где взять сверхжизненную силу?..
Когда б она теперь жила, как мило
Пошел бы к ней девический испуг,
Когда бы нашей тяжести училась
Легчайшая у старческих подруг.

Октябрь 1935

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА

1

Любишь?! Смехом — жарко так,
Словно солнца роза
После ночи Арктики
Кровью по морозу.

Любишь?! Вспыхнула: ''Юнец!
Позабавь — чем можешь...''
Размышляет: смотр сердец...
''Ах... всего дороже

Сердце матери твоей!''
— Смехом, зубки — нега.
Солнца марта горячей,
А потухла — снегом.

2

... Бел и бел и бел и бел —
Ночью, днем и ночью.
Взору некуда: предел
Тут же, как нарочно.

Взору некуда. Назад:
В боль, в себя и — в ухо:
''Сердце матери!'' и взгляд,
— И как снег потухла.

Разлюбить! И разлюбил
(По белу гуляет).
Забывается... забыл
(за снега, до края).

Стой! Как вздыбившийся конь:
Ни на шаг! Ни с места!
Раздирающий огонь:
О моя невеста!..

Ночь ли, день ли, день иль ночь —
Белизна играет:
Что ты, милый, рвешься прочь?
— И не отпускает.

Разлюбить! и разлюбил
(шибче, шибче, лыжи!)
Забывается... забыл
(Вынесло — и выжил).

Только глянул — замер дух:
Иней всей фалангой:
В душу, в боль, в себя, и — в слух:
Жизнь моя! Мой ангел!

Чудо! дремлет белизна.
Взор раскрепощает.
В небо взгляд: спасибо! Знал!
Возвращенный, знает:

Разлюбить! И разлюбил.
Ликованье. Зрячесть.

Забывается... Забыл
Строгость снежных стачек,

И... Геенна! Не спастись!
Всей тоской, всей кровью:
Погибай иль колотись,
Залито любовью, —

Невменяемое, зрей!
Мир в несносном звоне:
"*Сердце матери твоей*
Принеси в ладони!"

3

... Бел, и бел, и бел, и бел.
Взор — безумья стрелы.
Не бежал уже, летел
С сердцем — оголтелый.

Вдруг — вплотную; вдруг — всерьез
Белоснежный метод:
Спотыкается: мороз —
Вдруг — *подножкой*. С лету —

Сердце скользкое из рук —
... Жарче солнца розы
Хлынул матери испуг
Кровью по морозу —

— Сын бел, — взора больше нет —
В-з-д-о-х п-о-с-л-е-д-н-и-й — *слухом*:
"Не *ушибся ль* ты, мой свет?!"
Сердце. И потухло.

Ноябрь 1935

ДЕРЕВЕНСКОЕ ОКНО

Кисея — мембрана
Световых изнанок.
Снега непорочней
Ночью мушки белы
(в абажуре дело),
Днем чернее ночи
(дело в светлой воле,
В световом раздолье).
Дня и ночи роли
Претворяют точки,
Кисеи узоры
(Световая фуга:
Сутки в полукруге) —
Музыкальным взором.

Ноябрь 1935

Словно спелый абрикос
На малиновой воде.
Это — дерево. И сквозь
Рыжесть веток — небо. Рдеть
Хоть не время, но взялось
За ноябрь оно радеть.

Красочнее все закат.
Столь суровый в ноябре,
Поредевший, ржавый сад
Кротче стал и подобрел,
Небом розовым объят —
Вновь сговорчивость обрел.

Снова лаковость на миг
Поселилась на листве.
Многоцветность — как в тупик
Упираясь — синеве
Подставляет ясный лик,
С небом пламенным в родстве.

Ноябрь 1935

ДЕВОЧКЕ

Марианне К.

Коснулся — все заговорило...
А между тем — о, кто мне ты...
Я как слепая заучила
Не очевидность, но мечты.

И для меня ты — вездесущий —
А между тем... о, как мне знать:
Меня предавший ты иль ждущий,
Тебя отвергнуть — или ждать...

Декабрь 1935

Как данью, светом обложивши
Крыш металлический откос,
Плыл месяц, с вечера явивший
Погоду, ясность и мороз.

И сердце силилось до-áхнуть.
Но неземной голубизны
До стержня ночи был распахнут,
До глуби звезд — дворец луны.

Круглее царства Диадохов
Свод углублялся и синел,
Недосягаемый для вздоха —
Миров невидимых предел.

Лишь захлебнувшемуся взору
— Он посвящался в волшебство —
Давались лунные просторы
Алмазов ночи и шелков.

Январь 1936

Орешки, дым, банкеты января.
О, мука музыки. Неспящего ребенка
Зовущая в ночи — любимых повторять,
Любимых — в ночь: тò мать, тò зябкого
котенка.

Так Шуман станет возвращеньем их.
О повторения Божественное жало!..
О мука музыки, гнетущая немых
Детей без сна, в слезах, под одеялом.

Январь 1936

(В ПОЕЗДЕ ИЗ БЕРЛИНА В МЮНХЕН)

Намечается весна.
В пенках на небе. В бумажке —
(Тает саван: вот она)
И в рефлексах белой чашки.

Прутьям, кажется, тепло?
Птицам, кажется, вольнее?
Огорчается стекло:
Только я не зеленею!

Но зато, зато, зато
Соберешь разгоны линий, —
Бесконечность не ростком —
Очагом огня откинешь.

Март 1936

ФЛОРЕНЦИЯ

ПРИЕЗД

Левкои — молоко, смущенное клубникой,
Левкои — в зеркале, и в комнате — взгляни-ка!

Намек на запах — закипает кровь, —
Один намек на счастье и любовь,

Намек один — не терпится в темнице!
И эта даль! подобно крыльям птицы

Трепещущая, сизая, к окну
Не подходящая, сквозящая, — страну

В волнение холмов включившая; в цвета,
В цветы и в аромат: сонливой не застать —

(Намек один: сегодня все в начале) —
Сонливой не застать холмов тосканских дали.

ПИАЦЦАЛЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Повороты, сады, повороты —
Яркой ломаной линии путь.
Ожиданье, томление: что-то
Собирается он развернуть?

Замер дух! Испарилось сомненье:
Не морской ли безбрежный простор...
Подплывает, чаруя смещеньем,
Проглотивший пространство собор.

Подошедши вплотную к прогулке
С виду (мерять *на деле* верстой),
Он подобен неистовой втулке:
Вдруг Флоренция брызнет собой!

На пиаццале полезут палаццо
(Незаметен от Арно подъем),
И один за другим подниматься
Соберутся то церковь, то дом.

А пока сновидение длится,
Расширяясь за крыши до гор —
И дворцы узнает словно лица
Чудодействием скованный взор,

— Среди однообразья морского
Этой площади — *зов*, монолит:
Обернитесь же! гордость Иеговы:
Совершенство: библейский Давид.

Одарен океанским дыханьем
Непорочно разлившийся круг.
Терпеливо к ветрам изваянье,
Тело — скромно натянутый лук.

О постойте, постойте, лишь это:
Что божественно губы кривит
Псалмопевец, собою одетый,
Совершенство улыбки — Давид.

ПИАЦА САНТИССИМА АНУНЦИАТА

''Каждая арка — вздох. Эти вздохи — тебе.
Площадь застыла, она — обращенье к судьбе —

Милая, спи, но окна — не закрывай!
Вхожи к красавице лишь амбра мечтаний и май.

А подойдешь ли к окну — взглядом обдать —
Знай! После смерти еще буду на площади ждать''.

Бронзовый всадник стоит — взором к окну.
Ждет, но любимая спит. Ставень впускает весну.

Полуоткрыто с тех пор (всадника воля) окно.
Площадь забыла о них. Площадь забыла давно.

Вот репродукция Бронзини.
И полицейский — Аполлон.
И неизменно темных пиний
Ничем не омраченный фон.

Их неизменна складка мантий.
В тарелке шляпе — иезуит.
Бутыль огромная киянти
На таратайке дребезжит.

Весенний дождик сладко реет,
Поит глициний торжество.
И Аполлон, и портупея,
И пиний темно-серый ствол.

ПИЕТА (МИКЕЛАНДЖЕЛО)

1

Не отец и не мать,
Это муж и жена.
И третий.
Третий — сын.
Он — возлюбленный.
Он случайно
Занялся
(Но четвертое? Мир.)
Миром.
Мир убил.
Третий — сын.
Он — возлюбленный.
Он мысль:
Не для них.
Для мира.
Вот мир:
Маленькая каменная кукла.
Правой рукой — безжизненной — сын
Притянул чужую куклу.
Она не умеет гнуться,
Прижаться не может, —
Нет лица —
Красивое чудище.

Это Бог тебя наказал,
Магдалина,
Сделал такой —
В это мгновенье, —
Изъял из нашей семьи:
Мужа, жену и Сына.
... Но Бог отымет,
Бог разорвет,
Бог воскресит Любимого
И отдаст
Миру —
Чужой неумелой кукле
Без лица и без мыслей.

2

Наша семья.
Муж, сын и я.
Я любила Сына — больше мужа.
Но Иисус мой сказал: не нужно.
Это было концом.
Что потом —
Не помню. Как было знать?
Он не велел мне: дышать.
Кротким голосом (чтоб слышать
его рождена)
И тихим: будь женой жена.
Да. Не знаю, что было за его
уходом —
Поля, поля, раскаленные годы.
Потом он встретил... Магдалину.
Это я помню... Прикинуть?
В средине было.
Это я помню. Она полюбила
Его и меня. Иногда во сне
Сын склонялся ко мне.

Это я помню: лёт в ад — из сна,
В тихое: ''не нужна''.
Магдалине это было — ничего.
Она говорила: это — Его:
Он — миру, мир бесполый.
Потом — не знаю: наверное долго
Я шла, не дыша и не видя. Вдруг сад.
Жених мой! но что это... кричат, —
Безбожный шум, и эти — ... друзья
Стая крикливого воронья —
Что было потом не...

... Муж, жена и третий.
Руки повисли, плети.
И правой рукой
Притянул чужой
Мир без лица и пола,
Каменный и тяжелый,
Переодетый женщиной.

3

Как соринка в глазу — это чуждое тело.
Этот каменный — ну его! — мир.
Иосиф, Иосиф! любовью, руками и делом
Помоги, удержи, обними.

Умирая — еще не остывшей ладонью
Этой чопорной даме без глаз —
Забывая о рядом стоящей Мадонне —
Поручает спасение Спас.

А она, а она (красота так невзрачна)
Некрещенной балдою стоит
О возлюбленный мой! о мой сын,
новобрачный...
Иосиф, Иосиф, прости, о прости...

ПИСТОЯ

Пистоя — корзинка. В ней персики Вольми.
И чтоб не слежались — в них воткнуты церкви.
В их мякоти сладость Тосканы раздолья.
В их мягкости круглость тосканская тверди.

Франциск не отсюда. Но Джотто и Данте
Касались протянутой узкою дланью
Церковного камня. Прозвание "Санто"
Хранили Пистойцы к дессерту изгнанья.

Пистоя — корзинка. В ней все вперемежку.
И рынки, и скверы — узор арабески.
Чужим не легко разобрать (шутка? слежка?) :
Что̀ — фрукты, что̀ — церкви, что̀ — рыбы, что̀ —
фрески.

ФРЕСКА ДЖОТТО

В знойном блеске золота
Клара. Ротик — горечью.
Святостью уколота
Властною, разборчивой.

Сумерки все тягостней,
Золото голее всё.
Первой в сини ягодой
Святость разговеется.

ЗАКАТ

На розовый выгон небес
Ворота червонного злата.
Темней, ощутительней вес
Глициний и роз аромата.

Ленив, оседает в пыли
Всей тяжестью первой истомы.
Пусть запад пылает вдали —
Глицинии пьяные дома.

А в путь догоревшему дню
— На пурпуре неба вечернем —
Флоренция подпись свою
Дает кипарисовой чернью.

1936

СЕСТРЕ

НОЧЬЮ

Там дождь. И значит всё
Здесь, в комнате. А помнишь, было
Всё там. Всё за окном, за занавескою:
Моро́з, луна, а здесь —
Лишь смех наш легкий, наша грусть, и наша
Нежность.

УТРОМ

Встаешь. Щенок — четыре лапы.
Земля и воздух, все — твое.
Как позволенья маму, папу,
Ты — солнце: холодно, тепло?

Календаря банальность свято
Мы по утрам с тобою чтим.
Твой возглас: я не виновата!
О вся любовь моя твоим

Таким словам, твоей потяжке.
Ленивость львеныша. И так:
Ты диалог заводишь с чашкой,
С тобой беседует кушак.

Теряешь время. Но предметы,
Нюхнув: ага! родная речь!
К тебе, к тебе — суют приметы
В подарок, просят: приберечь.

Изнеможение! Растрата
Сил — участь доблестных вояк.
Твой возглас: ”Я не виновата!”
О вся любовь моя... — и так:

Внезапно выправка солдата,
Мороз и солнце натощак,
Пять пар носков для лыжных скатов —
И солнце радуется так..

ДНЕМ

А днем — всё. Как день в чемодане.
Беспорядок. И все возможности.
Можно — сейчас. Можно — позднее, и ране.
Можно прямою дорогою и бездорожностью.
Стой! Только одной не забыть осторожности:
Не оступиться в сумерки, не класть начинаний
На грани
Тревожности.

ВЕЧЕРОМ

Грусть, грусть, грусть —
Не уйти, не восстать, не сдружиться.
Стук в сердца: я сейчас появлюсь,
Приготовьте тетрадки и лица.

Приготовили, грусть, грусть — и нас
Не суди, если блеском не в меру
Упивались. О грусть — твой час.
Мы послушны и мы суеверны.

Обераммергау 1936

Воробушек. Назвали так тебя,
Когда ты крошкой был. С тех пор
Все становились больше уши.
И все добрее сердце. И висят
Они — два лопушка холодных — над
горячим
Собачьим быстробьющимся чутьем.

Зов птиц. И благодать окна.
И уж ни духов, ни пророчеств.
Студила ужас этой ночи
Заря свежее полотна.

Вдруг прянул — тоньше ноготка —
Из дыр зияющих постройки
Ущербный месяц. Снизу ждал
Фонарь, как у больного койки.

Четвертый час. Тепло — цветок
Японский — завитушкой клена —
Легло на зреющий восток
Еще пустой, еще студеный.

И пахло пряно тишиной,
Подпаска новою свирелью,
Бересты нежностью родной
И днем не тронутой качелью.

Июнь 1936

В ИЮНЕ

1

Вобрать зарю... Пленить дыханье: *сено*!...
Так родственностью роз и бузины, заменой
Всего — всех запахов, всей мягкости яичной сини,
Всей теплоты нежданной этой рани: скинет
Все. Загребет все в копны. Кротко дунет.
О утро, лето занялось июнем.

2

Сладко, медоносный, нежно
Ветерок парной
Поле спросит и — надежный —
Покачнувши зной,
Донесет до наших вздохов
Рань из легших трав,
Пленки душ, ноздрей и легких
Кротостью прорвав.
И прольется томно в вены,
Как сложил косарь —
Бузины и роз и сена
Солнечный тропарь.

1936

НОЧЬЮ

Налетай, продувай и туши
Перегары, геенну души —

Разливанная многостность звезд,
Утоляй, холоди вместо слез.

Разошедшийся говор ветвей —
Заливай, заливай, и залей.

Июль 1936

О бедное сердце... болишь до тех пор —
Пока окисляет надежда.
Пока чудодейственно едкий раствор
Полощет колени и вежды.

Поверьте, поверьте, не страшен конец —
Доверьтесь избытку страданья:
Не первым из опустошенных сердец
Сорвемся в архив испытаний.

Июль 1936

ПРИБЛИЖЕНИЕ К БЕРЛИНУ

Баллонным шелком над Берлином
Вздул резкий ветер небеса.
В предместьях город ровен, чинен,
Вдоль рельс деревьев полоса.

Их ветер словно и не знает —
Ищите дальше — дальше взор!
Там смотр окраинных названий —
Их ветер вызвал на простор

И в полушариях широких
Бессчетных зданий молодых
И площадей — бросает окна,
Снабжает плоскости. Кривых

Игра. Пробеги огородов,
Сниженье каменных высот
До солнечных поливок всходов
Небывших мест. Но вот, но вот —

За садоводством крематорий...
Родство со смертью?.. Так, чуть-чуть...
Фальсификация?.. А горе —
Но не до шуток: домны — жуть.

Как будто почва выси мщенье
За неуместный шлет испуг,
За ей не вверенное тленье:
Ствол дыма в три обхвата рук.

А слуху? Свист. Сей неизбежный
И растяжимый — городов
Кушак округ. Взаимослежка
Прилежных сталей и песков.

Улегся. Кончил. Заливают
И Розенек, и Грюневальд
Улыбкой ветра дознаванья
— И звонкий Далемский асфальт.

1930-е годы

МНОГО ЛЕТ НАЗАД

На каком-то вернисаже
Он! Владимир Маяковский.
Детскость, ах! цилиндра сажа —
Зимний, карий, свой, московский.

Наконец. Но он не страшен.
Дух не замер: он не враг мне.
Не мужских бездуший шашни,
Не влюблюсь — он бел как агнец.

И мгновенно полюбила
Простоту его величья.
Беззаботно положила
В лик его свое безличье.

1930-е годы

МОРОЗ

Нету губ таких горячих
Чтобы жгли сильнее снега.
Ни любви такой, ни бега,
Чтоб дыхание до плача
Доводить — себе в утеху —
Назначений строгой сменой:
Стой! Иди! Скорей! Не к спеху!
... Дровосек. С саней полено
Легче, звонче серебристых
Струн о гладь оледененья.
И полозья отвизжали.
... И в нетронутости чистой:
Чудо самозарожденья
Бриллиантов в зимней дали...

Январь 1935

Передается дыму снега
Готовность таять, но еще
Не тронут он весенней негой,
Еще пылает свежесть щек.
И в сумерки — как синька синий
И непорочный снег. В него
Луч затупевший желтый кинет —
(Острей, острей!) — избы окно.

1930-е годы

КРЕЩЕНЬЕ (ПЬЕРО ДЕ ЛА ФРАНЧЕСКО)

1

Листья чернее гнева.
Тише рассветов ствол.
Голубь простертый и слева:
Покорности естество.
Смирение. Медной тарелкой
Бога покрыл человек.
Бледно намечен и мелко
Уровень неба и рек.

2

Иоанн! Черный мужик!
Слушайся гласа! Служи.
Сын тебе темному внемлет.
Благословляет землю.
Да будет воля Отца.

Ты думаешь, надо? Крести!
Сын и это готов снести:
Теплой водицы грязь,
Духа Святого вязь.
Да будет воля Отца.
Ангелы встали топорно,

Сузился Бог покорно:
Отец Небесный! стою
На самом краю
У вод Иордана
Под дланью Иоанна.
Да будет воля Твоя.

Упруга, Отец, земля.
Да будет воля Твоя.

3

Партиколаре. Частичка.
А замысел в ней.
Кисть авансцены кличка.
Приманка. Христос плотней
Булки из сонных пекарен.
Скучный Иоанн педагог.
Замысел сзади: парень,
Который не смог
Прикосновенья рубашки
К телу снести.
Брось, Иоанн, замашки!
Иди *рядового* крестить.

ТЮРИНГИЯ (ИЗ ПОЕЗДА)

1

Метелки деревьев, и мостик над речкой,
И белой Мадонны лицо.
Здесь — золото осень недужную лечит,
Там — туча ложится свинцом.
И в память вошло, неделимо на звенья,
Как солнце — в два голоса свет
Раздвинув, — послало пейзажем осенним
В окно мимолетный привет.

2

... К нам в сонные стекла тяжелая туча,
Вдруг бобриком светлый облик, —
Ах, холм фиолетовый это, — на круче
Лесочек (посплетничать) собран.
Услужливой скатертью блеклая воля.
Час полдня, усталости, чая.
С моей — недоверчиво — небо и поле
Несложную повесть сличают.

3

Небо Тюрингии розово.
Леса, опушенные снегом,

Темны, как боярские брови.
Заката дыханье морозное.
Ползет одиноко телега.
На станции ждут — наготове —
Вагоны Рождественских елок —
Пучками, как теплых фиалок
Тела аромата на юге.
Здесь груз ароматности холод
Ночной сторожит перевала,
А завтра лизнут его вьюги.

4

Дождь переходит в снег,
Белеет водянистость.
Сменяет тяжкий спех
Неспешная пушистость.
И через полчаса
Ты не узнаешь места —
Тюрингии краса
Белее, чем невеста.

5

Здесь журчание под перехватом мороз
Заковал в преломление света.
Ледяные сосульки прозрачней стрекоз.
Перевал сторожит: Эстафета.

Был в долине декабрь недокормленный слаб,
Здесь участье к нему неуместно.
Здесь питают его родники без числа,
И надежны снега и окрестность.

Он смеется, довольный здоровьем своим,
И за ним улыбаются ели:

Солнце, снег, и зима, и победа за ним, —
И макушки в лесу побелели.

6

Круглые отчетливые тучки
И расплывшиеся облака.
Молоточками по струнам — мучат
Рифмы мозг, не громко, так слегка.

И разбередив покой полдневный,
Умолкают, песнь не достучав:
То лазурь, луга, леса и бревна
Проглотил вокзал-удав.

1936

ИЗ КАЛЕ В ДУВР

Пароходик наш все меньше, все меньше
Затем что море вокруг все больше.

Стенки его все белей и белее
Затем что море вокруг все темнее.

Доски его все суше и суше
Затем что дождик косой все пуще.

Хмурое небо все ниже и ниже
Затем что волны все выше и выше.

Храбрости ткань моей реже и реже
Затем что взлеты валов все чаще.

Мысль о любимом ненужней, ненужней
Затем что волны ему не служат.

1936 год

Неизгладимое утро Оксфорда,
Коловшее решением ниже нуля.
Мечется воля: назад? Нет, твердо
Решает: с пространствами спорить нельзя.

Здесь так: миролюбие цветом и вкусом
Имбирь и туман — гербовая печать —
На скачку сознанья не двинет и усом.
И тщится букетик фиалок продать.

На углу, как наши, ветряном и людном,
И как у нас, кому фиалки на ум?
Но не как у нас в лавчонке посудной
Продают литографии, шелк и изюм.

Веками чистейшее чистого — воздух
Впивает холодный камень капелл.
Им и любопытством нестынущим создан
И с средневековья до нас уцелел

Мир книг, привилегий, площадок колледжей.
А в кельях нетопленных холод озер,
Садов, декабрей, — но выдерживал дед же,
И стужу принявший студент не позер.

На улицу в варежках, шарф, и без шапки, —
Согреет оксфордский хмельной эликсир:
Сознанье, что жаркий, под мышкой, в охапке
Захваченных книг трепыхается мир.

1930-е годы

Свежесть! Для тех, кто шагает.
Щиплет! Кто мерзнет — для тех.
Градусник сам забывает,
Что обещал и предрек.

Сладость тому, кто привычен.
Щиплет — кто внове — того:
Воздух имбирную тычет
Стужу хозяйке в окно.

Жжет и имбирь и морозец
И закаляет умы
Город, в котором и розы
Пальцам не верят зимы.

Оксфорд, 1930-е годы

Дорога в счастье так узка...
И тут: верблюду легче ниткой, —
А *из* него! Восход, закат,
И ночь и полдень будут пыткой:
И в ширь и в глубь, и в мир и в миф
Путь подозренья, — из блаженства.
Божественное многоженство
Так отравляло Суламифь.

1930-е годы

ОДНОКЛЕТОЧНЫЕ

Амебы вбирают друг друга, среду
Поверхностью, глубью, бесчленно, в бреду.
Как знать воспаленной горячкою "жить",
Что капля, что заводь, что клетка, что нить.
Разлившись собой, без скелета путей, —
Как помнить — без памяти — имя детей.
Как знать о своем — без заботы: пребыть —
С одной (без препятствия формы) : любить.

1930-е годы

Не муза, не любовь, не дружба —
Иная власть.
Путь напряжения все уже —
И вдруг — как пасть —
Глотает мир и жизнь — игрушку:
Сияньем спазм
Законы, время, солнце тушит
Миг протоплазм.

1930-е годы

Стог пылал, ужаленный грозою.
Упоенье вод шальных огнем.
В первый раз меня с тобою
Оставляет день вдвоем.

В очной ставке. Светопреставленье
Погружает нас тоской в тоску.
Меткость молнии: мгновенье —
Мир приставленный к виску.

Что ты скажешь? Я услышу
— Не трудись! — и мысли ход.
Меткость молнии: не крыши,
Мы ее громоотвод.

Июль 1936

Так небрежно, как карты, как мелочь — слова
— И неряшливо — ты подаешь.
Что языческим вкусам невольниц права!..
И признанье жарчайшее — грош.

Но светлее в моей опаленной руке,
Неподкупнее золота медь,
О избранник, твоей оброненной строке
На ладони моей пламенеть.

Июль 1936

Ах, до сих пор Медведицу
Не собрались запрячь,
А между тем разъедется
Раек вечерний с дач.

Оставят одинокую,
И запахнется в ночь
Созвездье семиокое, —
Обиду превозмочь.

Не ты одна! откликнутся
Табак и флокс с земли, —
Мы с вечерами свыкнемся, —
И нам, и нам — ни зги.

Чернее одиночества
Забытых в выси звезд
Сентябрьских пальцев зодчество,
Узор его борозд.

Ночная стройка осени:
Душистый перехват
Дыханья, к утру просини
Готовит горький сад.

Медведица, не жалуйся:
Беднее черноты
Земное сердце сжалось, и
Счастливей сердца ты.

Сентябрь 1936

Слабеешь от бессонницы, от слабости не спишь,
А кругом такая едкая, говорящая тишь.
Но если забудешься, окунувшись в сон —
Набрасываются из давно ушедших времен
Летучее запахов и явнее яви
Образы и желания, ставшие отравой, —
И тогда, встрепенувшись, задрожав как струна,
Кидается сознание в сторону от сна.

Осень 1936

ЗЕФЕЛЬД

Садилось солнце. Пурпур неба
Не уступал ни йоты.
И в одиночестве металось сердце.

И луг, насыщенный всем предстоявшей
ночью,
Не уступал ни йоты.
И в одиночестве металось сердце.

И... он стоял на каменной террасе, как
стоят,
Закатом наслаждаясь, люди,
И он не уступал ни йоты:
И исступленное металось сердце.

Осень 1936

БОГЕНХАУЗЕН

Вагонетки с углем муравьино
Копошились в опавшей листве
И лучи, поскользнувшись, с плотины
Исчезать — пробирались к траве.

Небо чахлое еле синело,
И река не меняла русла.
К ней спустившись, я тупо глядела,
Как она этот день берегла.

Воздух! Близко до улицы новой,
На окраине города дом.
Окна в зелень. И сутки готовы
Встретить гостя свободного в нем.

Там послушны: и песнь, и береза,
И гоблен, и бутылка вина.
Там душа атрибутов мимозно
Довести до хозяйки должна.

Просто так? До крыльца от калитки?
И не знаешь, что с улицы — *к ней*?
Что дорожкой коротенькой крыта
Неподкупность дороги твоей...

... До корней ощутимости, дико
Добирается куст у реки, —
Не унять нарастания крика:
У чужой отдыхает руки...

Осень 1936

Быть Вашей ночью. Связью с вселенной.
Не дать потеряться в схемах.
Или, быть может, Вашей нетленной,
Одному Вам понятной геммой.
Вам одному звучащей гаммой.
И хоть Вы и милы со всеми, —
Быть среди всех в Вашем сердце самой,
Самой любимой темой.

1930-е годы

Напротив строился высокий дом.
Я полюбила дыр зиянье ночью
И девственность пустых окон потом
На белизне известки непорочной.

Он стал своим. Не понимала тех,
Кто говорил: о, грязь, и гам постройки!
Как слышать мне галденье, стуки, смех,
Как замечать назойливую бойкость...

С тех пор как ты презрительно сказал,
Что свет и звук равно тебе враждебны,
Меж шумами и мной несокрушимый вал,
И не сорвать его ни воле, ни молебнам.

Все глуше Божий мир, все уже кругозор,
Все одиночество бесспорней и страшнее.
Больничной чистотой приковывая взор,
Душою нежилой меня строенье греет.

1930-е годы

ОСЕНЬ В ГИЗИНГЕ

Ветер, музыка, любовь и...
Начиналось многословие
В загородной мастерской,
Где в окно подать рукой
Мальвы цвет и тыквы темя,
И подсолнечное семя.
Где на лепку и стилет
Льется равномерный свет.
Там просторы бабье лето
Словно мотыльковой сеткой
От туманов сентября
Убирает — чуть заря.
И добычу к краю свеяв, —
Смотришь: город лиловеет
На десяток верст от нас
Как несбыточный рассказ.
Но не выдумка равнина —
Даровое солнце в спину.
Палисадник залит им, —
Желтый цвет неопалим.
Это — из последних года,
Когда кроткую природу
Смесь щекочет: свет и тень, —
Весь ей посвященный день.

1930-е годы

... Совсем иным встречает сад, —
Приблизившийся, осторожный.
Случайность черных мирных гряд,
И важность кроткая дорожек.

И только тронуть — упадет,
До совершенства, до предела
Доведший жизнь свою — полет —
Кленовый лист, изящный, целый.

Нежны предметы и узор
Прозрачный всех закатных красок,
Остановившихся, чтоб взор
В надежном исполненьи спас их.

Но неподвижностью такой
Польщенный сам стал недвижимым
Осенний воздух. Лишь порой
То тронет лист, то дунет мимо.

Болтливость летнюю прикрас,
Про емкость лгущую пространства
Съел утренник. Но не угас
Мир словно после долгих странствий.

К нам возвратившись, без помех,
Придвинулся, и задышало:
''Теперь я буду слушать тех,
Которых лето заглушало''.

1937 год

ПРОЩАНЬЕ

Вглубь вечности, вглубь пирамид,
В путь отошедшим погружали
Все то, что сердце веселит:
Убранство, копья, вакханалий
Земные чаши, утварь. Ларь
Усопшего хранил — по стенам
Над ними точный инвентарь —
Нетленной памяти письмена.

Душа! Сбираясь в горький путь,
Теряя родину вторично, —
В какие ткани завернуть
Живой предметности наличность.

О, подоконник и закат,
В поклаже Вам не уместиться, —
Из сердца ринетесь назад
И позабудетесь как лица.
О, Угол улицы моей,
Тебя с подушками, с коврами
Свернуть надежней и тесней
Не надрывается ли память?..

О, темный силуэт скамьи,
Когда по капелькам, бывало,

Подбором почек, трав и птиц
Весна закаты создавала.
А разнотонный желтый звук —
По четвертям — соседних башен
В пространстве ночи: сколько мук
Когда он ждан, когда он страшен.
Твоих ли, боль, перечислять
Власть нот высоких, стонов выше,
Неосязаемость связать, —
Чтоб снова в будущем услышать...

Как мертвецы, зачем, куда
С собою взять фрагментов планы, —
Ревнуя к времени, отдать
Их вечной памяти... не странам.

1938 год

ОТ'ЕЗД

Я разоренье церемонно
Впускаю в опустевший дом.
Оно проходит по салону,
И стены трогает перстом.
Я вижу: это гость нескромный,
Но поздно, поздно не принять.
Он из гостиной в тайну комнат —
Детали жизней разузнать.

И голы стены. Молчаливый
Недоуменья шлют упрек:
Они ли были нерадивы,
И вдруг — посередине строк
Их — не сказавшись — оборвали,
Их... Не похожи на себя...
И в каждой комнате, как в зале,
Безличья мертвая стезя.

1938 год

В ЛОНДОНЕ

Окаменевшие туманы,
Застывший холод, (как снега
На год, на век — на великанах
Хребтов альпийских) . И нога

Не тротуарам, а булыгам
Ступнею нежной отдает
Тепло. И двигаться и двигать
Решиться — даром жизнь пройдет.

Первая осень в
Лондоне, 1938.

ЦЕРКОВНЫЕ КОЛОКОЛА

В огромность и серость и сырость, как будто
Когда-то и кем-то припертыми в угол
В воскресные дни, в их затишье, в затон
Вливается нежное нот расчлененье,
Певуче — сердечность из уз заточенья —
И Лондон, и лик его — преображен.
Не мессы строенье, не ток литургии, —
Здесь небо другое, и службы другие
И церкви английской английский закон.
Пусть глыбы. И взор без гляденья. И даже
Поныне след прихотей мрака не зажил:
Сговорчивость пения Лондонский звон.

1938 год

Сначала нежный и малиновый намек
Косоугольником, что утро встретить срок.
Вверх, вправо, сузившись, собрав себя, как груз,
Желтеет золотом мучнистых кукуруз.
Затем — под потолок прильнуть, чтоб не упасть:
Свеченья бледная, чуть видимая масть.
Последний стаж: квадрат рассекся под углом, —
Он уплывет в окно, но с утром свыкся дом.

1938 год

Закату дерево комода
(Фанерой красной дан совет)
Пыланья родственной породы
Желанно-родственный предмет.

Взаимно углубляют рденье:
Воспоминание! закат
На полчаса, не на мгновенье,
Зажег в вещах вишневый сад.

1938 год

ПАМЯТИ ЕЛИЗАВЕТЫ КРЕМЕР*

Смерть так уверенно вошла
(Дать яд) , — внезапно так и смело
(А ведь на ключ, а ведь не смела) ,
Что мысль — *чудовищно* — всплыла:
Как будто весь погром ноябрьский**
Был для того, чтоб проложить
Ей путь сюда, а то сразить
Как смерти тȯ, что дух хотя бы
Навек, до окончанья дней
Своим сочтет. И не успеет...

... Ночь. Час. Ночь. Два. И выслал ад
Исчадия из преисподней.
Им Вельзевул: "Веков сегодня
Счисленье повернем назад.
И первым делом славы будет:
"Губить!" кричит. "Губить!!" рычит.
"Губить!!!"
И утро будит.

... Орудьем бойни (*что вы: мы?!*)
Безгубая десна насмешки, —
Мы? Никого! А если... *в спешке*...
А если... — под давленьем тьмы...

Губить! от края и до края.
Эй, красноглазые, гуляй,
Чтоб из окон от нас кидаясь
В булыжник шлепались, как в рай.

... Да не коснутся жизни черти, —
Молниеносно: ''*Сможешь*?'' (смерти)
''Успеешь ли, *до них* — дать яд?''
И смерть ответила: ''Успею''.

1938 год

---

* Ноябрьский погром нацистов в Мюнхене в 1938 году.
** Из гитлеровского законодательства.

... Тристан и Изольда — мистерий огласка,
Крыло пролетевшей грозы.
Корабль, и напиток, — холсты, и оснастка.
Тристан и Изольда: *разы.*

Разы! *Не отдельны ль* от встречи до встречи
Клочки биографий? Немых
Не трогает участь печальная речи:
Судеб *недосказанность* их.

Под липой (запомнится в хронике: *первый*).
Томленье. Луна. Соловей.
И обморок-рай поцелуя. Теперь Вы
Считайте: *второй* раз — ручей.

И хитрость. Подлог ли, измена ли, "Ложе,
Брангвена, пустое, займи!.."
Но верность, честь витязя, служба, — о Боже...
Тристана двоятся пути.

А *третий*? Все — ночью? О, ей через стражу
В экстазе (ведет лунатизм)
Пройти, что порхнуть. А *четвертый* когда же?
Но много у времени призм.

Одною сведет, а другою преломит,
Отправит в чужие края.
И снова Тристан — парусами несомый,
И снова Изольда: "А я?!"

И станет искать не глазами, но мыслью,
Но сердцем верней, чем рукой,
Ряд стран... Смысл вдохнет в них, чтоб
лучше расчислить,
Когда, и зачем, и в какой?..

Узнает: женился. Замужней пенять ли,
Супруге царя? Но... Забыть?..
А имя второй (как он верен, понятлив)
Изольда. Изольдой пребыть.

... В тумане корнуэльском течение сказки,
И жадного ждет ли чтеца
За четками случаев этот: развязка.
Не помнят, не знают конца.

И был ли он мужествен, был ли он женствен,
И был ли он точно *конец*?
Тристан и Изольда — *прерывность* блаженства,
Бессмертье слиянных сердец.

1938 год

ЧЕМБЕРЛЕН В МЮНХЕНЕ

Кому писать? Не знала, как любила
Предельной скромности бездушие твое.
Стрелою весть вчерашняя сразила.
Ни строчки мне — кому-то: все.

Дай вспомнить... У сраженных ли досуга
Не станет, чтоб пройти, пройти назад пути:
Час первый наших встреч, — мучительного
круга:
Назад — начало лжи найти?

О, что за год... Моей, миллионов жизней
Предательством обезображен вид.
Конец, конец, здесь место ль укоризне...
Конец: в бесстыдстве мир сгорит.

1938 год

НОЯБРЬ

. . . .
. . . .
Деревья призрачно качались
У солнца осени в плену.

И сон и бденье были мукой,
И ей не чуялось конца.
Но вот однажды полдень руку
Подушкой сунул, и с лица

Слезу смахнуть собравшись... Сладость!
Бездумность забытья, оно...
Взрыв! в тело жуть, как из снаряда:
Любовь ударилась о дно.

Такая боль толчка, что сердце
Остановилось: то стыдом
Сковало сообщенье смерти:
Что продолженья нет за дном.

1938 год

СКАЗКА АНДЕРСЕНА

Русалка, любившая сына земли
(Сей княжич прекраснее неба),
К владычице моря с мольбою: "Внемли!
Как быть? Помоги мне, и требуй...
Чего пожелаешь, любою ценой
За дар волшебства — мне ль скупиться?.."

"Дай голос. Немало. Очнешься немой,
Но станешь... земною девицей.
Вот кубок. Прильни, не страшись, и допей:
Узрит превращенной любимый, —
Бесхвостой. Но будут острее ножей
Ступни непривычной нажимы.
А станет неверным избранник тебе —
Ты *пеной* ко мне возвратишься".

Ребенок! Рукою дрожащей к губе
Напиток, а сердце затишье.

... Что нежность? Вот этот вперившийся
взгляд,
Вопросом вперившийся в душу:
"Откройся, голубка! Я вечность назад
Тебя уже видел и слушал!"

Любовь что? Вперившийся дикости взгляд.
Любовь? Немоты беззаветность:
Глядят без ошибки, живут наугад.
Он: ''Имя?!'' Она — безответность...

Он любит ее. Но с другой под венцом,
Не зная, что жизнь его: в этой.

Чужое — оплошность. Родное — концом:
Ей пеною стать до рассвета.

Спасение: шпага из волн: ''О сестра!
Колдунью мольбой и слезами
Смягчили. Пронзи его! Шпага остра:
Вернешься на родину с нами''.

... Свинцовые волны несут на груди
Корабль, где чета новобрачных
Справляет — ''Сестрица! Вот шпага, не жди!!!''
Бледнеют (ночь падает) мачты.

Всей грустью: оплошность — чужое. Свое?..
И смотрит, и смотрит... И верьте
Сей сказке: пусть в пену страданье ее,
Но длится любовь и за смертью.

1938 год

Когда испуг, стеклянным глаз,
Под бреда дымкою, не чистым
Становится, и мир — рассказ,
Не веришь, как бы ни речисто.
Узнать: "Смертельная болезнь".
Или: "Любовь? Любовь измена!"
Не эта, переписчик, десть!
Здесь — жизнь, и *здесь*... любовь нетленна.
Мутясь от горести — сверять?
Судьба! Как камень мы примерны
И не посмеем подписать:
Читали. С подлинным неверно.

1938 год

Грусть извела. И вечера,
Когда тревожность нарастает,
И друг за дружкой расцветают
Кусты. И запахов пора,
И ожерелье сожалений
Сжимает горло словно жгут:
Воспоминаний и сомнений —
Страданья путь тернист и крут.

1938 год

Когда закат с грозою встречу
Справляет — дня апофеоз —
Горят как розовые свечи
Стволы изящные берез.

Мгновеньям небо предоставив,
За грозовою туч стеной
Скрывает солнце в алом сплаве
Свой не остывший за день зной.

И восклицаньем и вопросом
И тишиной — то здесь то там,
Дарит внимательно и косо
Нас — наконец-то! — ливень сам.

1938 год

Я стараюсь забыть. Улыбаюсь себе.
И себя же боясь, повторяю:
Не роптать. Не роптать. Покориться судьбе.
Без борьбы свою жизнь ей вверяю.

И проходит за месяцем месяц и вдруг
Ястребиной жестокою хваткой
Сожаленье сжимает мне сердце, и круг
Замыкается старой загадкой.

И из ран незаживших, метнувшись, резка
Вопрошает врачующий разум —
Как бывало — все снова о смысле тоска,
Но и он отвечает отказом.

Ни назад не глядеть, ни вперед, но застыв
Над умом неподвижною точкой,
Уверять — и не верить себе — что разрыв
Был последней и лучшею строчкой.

Что руки поцелуй — отпевальная дань —
Знак дистанций последнего дня,
Чернотою смертельной, как надгробная
ткань,
Остается в душе у меня.

1938 год

Ракитник нити золотые
Воздушной тяжести берег.
Но вот — пора. Тепло ''на *ты*'', и
На ясном небе тонкий рог.

Сегодня новую взаимность
Недвижный воздух предложил.
Куст осторожно, еле зримо
С ветвей цветенье уронил.

... Сережки клена шевельнутся
В игре весенней. Но займет
Зари дыханье: ровно льются
Без рани трепетных забот
Струи сияньем позолот:
Куст, согласившийся — проснуться.

1939 год

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Здесь, и не дальше. Здесь предел.
За ним застынет смех и ласка.
Еще старайтесь. Ваш удел
Следить, как возникает маска.
Еще играйте. Жизнь — игра.
Не Вы ль старались нежной шуткой
Поднять недужную с одра,
А сердце Ваше билось жутко.
Вам удавалось. Каждый раз
Как солнце снег — болезнь смешливо
Вы растопляли, и лилась,
Верна приливам и отливам.
И вновь: отчаянье мольбой
Смягчить беретесь, как бывало.
Поможет Бог. Всегда. Он свой.
Вас упованье утоляло.
Но здесь предел. Здесь места нет
Надежде, что испуг — не боле —
Ваш враг, что вечер иль рассвет
Вам над собой трунить позволит.
Без снисхожденья. Что дитя,
Что дряхлость — совершеннолетье
Одной породы: не жалеть и
Мне поручаться не шутя.
Мой сон ее уже объял,
Но времени назваться гласно.
Еще впивайте одеял
И горя вкус в моленьи страстном.
Я лучше Вас. Из этих скреп
Освобожу лишь я. Дыханье
Все медленней и тише. Треб
Последняя — мое названье.

СОДЕРЖАНИЕ

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne - 9 - 2 -1981 n° 7374